

К.С. КАРТАШЕВА

**ДОРОГИ
ЛЬВА
МЕЧНИКОВА**

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Лев Ильич Мечников
1828 - 1888

К.С. КАРТАШЕВА

Москва
«Мысль»
1981

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Карташева К. С.

К 27 Дороги Льва Мечникова. — М.: Мысль, 1981. —
56 с. — (Замечат. географы и путешественники).

10 к.

В книге рассказывается о жизненном пути Л. И. Мечникова (1838 — 1888 гг.) — человека необычайной судьбы и разносторонних интересов, участника знаменитых гарibaldiйских походов и польского восстания, увлекающегося и бескорыстного, смелого путешественника, географа и социолога, автора знаменитого труда «Цивилизация и великие исторические реки».

Книга рассчитана на широкие читательские круги.

К 20901-223
004 (01)-81 167-80.1905020000

ББК 26.8г
91 (09)

© Издательство «Мысль». 1981

ВВЕДЕНИЕ

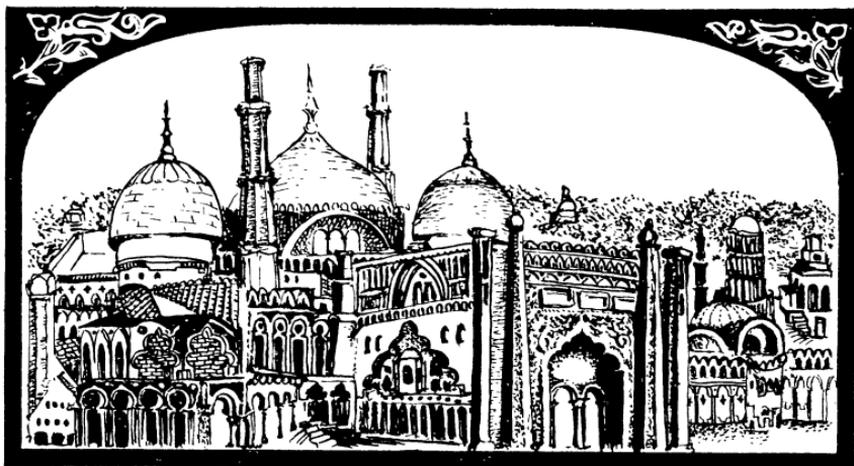
В закрытые ставни окон ломился порывистый ветер и слышались глубокие вздохи Женевского озера. За огромным письменным столом, накинув на плечи клетчатый плед, сидел пожилой мужчина и задумчиво, с паузами писал в толстой тетради. Настольная лампа под темно-зеленым абажуром освещала только круг стола, а во всей комнате царил полумрак. В жидких отблесках света, куда-то в темноту медленно плыли тяжелые облака табачного дыма. Мужчина писал, задумывался, снова писал, а через окна проникал к нему еле брезжащий свет утренней зари... Работал известный французский географ Элизе Реклю.

«Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория прогресса и социального развития» — так называлась монография, которую готовил к изданию Реклю. Однако работа принадлежала не ему, а его умершему другу Льву Мечникову. Незадолго до смерти Мечников передал Реклю некоторые исправления и дополнения к первоначальному наброску «Цивилизации», напечатанному в «Трудах» Невшательского Географического общества, с просьбой отредактировать и взять на себя заботу об издании всего труда. Реклю согласился, считая рукопись коллеги большой научной ценностью.

Делая добавления, где это было необходимо, Элизе понимал, что берет на себя большую ответственность. Он не раз задавал себе вопрос: «Если бы мой друг вернулся теперь, то был бы он доволен моей работой и согласился бы с моими редакторскими изменениями?» Реклю старался по возможности точно передать его мысли и боялся «чем-нибудь нарушить волю» Мечникова.

Благодаря своим путешествиям по Италии, Японии и Америке, благодаря своим обширным знаниям во многих областях науки и наконец благодаря своей необычайной работоспособности Мечников собрал и обработал огромное количество научных материалов, которые не успел использовать полностью из-за преждевременной смерти.

Закончив наконец подготовку текста книги к изданию, Реклю выполнил еще и самую волнующую для него часть работы — написал предисловие к «Цивилизации». Богатым материалом для него послужил удивительный жизненный путь Льва Ильича Мечникова.

ГЛАВА I

ГОДЫ УЧЕБЫ И ГОДЫ СКИТАНИЙ

Гвардейский офицер Илья Иванович Мечников жил не по средствам и, чтобы спасти свое положение, переехал из Петербурга в Харьковскую губернию, в родовое имение Панасовку. Была и другая причина быстрого отъезда из северной столицы в южные степи. Слабое здоровье его старшего сына Льва требовало перемены климата. Панасовка пришлась мальчику по душе.

Мир начинался сразу за пустынным двором, за широко раскрытыми воротами, смотревшими на дорогу. Дорога вилась по степным буеракам, по серебристой полевой равнине, откуда тянуло терпкими запахами и грустью. Низкое небо и степь были почти одного цвета и сливались вдаль в густом сероватом мареве. Миру не было ни конца, ни края, как этому небу и этой степи, а дорога уносилась за горизонт, далеко, далеко...

Дом с полукруглым балконом и тонкими колоннами был центром мира, потому что нигде в степи не было клумб, яблонь, пруда с утками, не было винокурни.

Но все около дома было изучено в первые же дни, по приезде из Петербурга, а мир за воротами оставался неизведанным.

Он не боялся далеко уходить от дома, и чем дальше уходил, тем дальше хотелось идти. Однажды мальчик пропал.

Это было после разговора с дядей Дмитрием, худым человеком, не выпускавшим черешневую трубку изо рта и умевшим вышивать на пальцах.

Говорить дядя Дмитрий не любил, но когда однажды племянник спросил, почему дворовые зовут его Спадаренков барчук, а фамилия их Мечниковы, дядя молча выбил трубку, встал, взял его за плечи и повел в сад.

— Кто тебе это сказал? — спросил он.

Мальчик молчал. Ему казалось, что дядя сердится.

— Впрочем, это неважно, — начал дядя Дмитрий. — «Спада» по-румынски «меч». В старину Мечниковых звали Спадаренко или Спатаренко, потому что их предок Николай Милеску, живший двести лет назад, был молдавским боярином и носил титул «мечника» — «спатария», или «спафария». Милеску был большим человеком. Он служил у молдавского господаря Стефаницы и сам мечтал стать господарем. Как-то Спафарий послал одному воеводе выдолбленную палку и в ней письмо, в котором предлагал свергнуть господаря с престола. Воевода предал боярина, и господарь велел отрезать Николаю нос. По молдавским законам человек без носа не мог стать господарем. Спафарию Николаю Милеску удалось бежать из Молдавии в Россию. В 1674 году Спафарий в качестве русского посла выехал в Китай. Он знал восемь языков.

— А можно знать больше? — спросил мальчик.

— Можно.

— А господари в Молдавии есть сейчас?

— Есть, — ответил дядя.

На следующий день мальчик исчез. Его нашли на полтавской дороге, недалеко от Харькова, и с полицией возвратили домой. Мать, стараясь скрыть радость благополучного исхода, сердито спросила:

— Куда ты бежал?

— В Молдавию, — смотря в пол, тихо ответил беглец.

— Зачем?

— Я хотел стать господарем.

Мать села и беспомощно огляделась кругом. Дядя Дмитрий нахмурился и недовольно проговорил:

— У вас сейчас вид, дорогая Эмилия Львовна, какой был у ваших предков на реках Вавилонских. Оставьте его, виноват во всем я.

Потом, в гимназии Льва Мечникова несколько лет дразнили господарем. Он терпеливо сносил насмешки.

— Мой предок замечательный человек, — говорил Лева приятелям. — Подумать только, знал восемь языков и объехал полсвета. Я очень хочу побывать в Китае, пройти по путям Николая Милеску.

Учителя его не любили.

— Разбрасывается, — поправляя пенсне, говорил дяде Дмитрию директор гимназии. — Не без способностей, но растрчивает себя по пустякам.

Дядя Дмитрий приехал из Панасовки в Харьков специально для беседы с директором после того, как племянника задержали по дороге в Крым. Шла война. Лева и его товарищи решили тайком отправиться в армию защищать Севастополь. Ввиду патриотических мотивов их проступок решено было простить.

Окончив гимназию, Лев поступил на медицинский факультет Харьковского университета, но вскоре был исключен за участие в студенческих волнениях. Он переехал в Петербург.

Через некоторое время от него в Панасовку пришло письмо: «Я знаю, что вы будете бранить меня, и вот почему: начал я слушать лекции в военно-медицинской академии, на физико-математическом факультете университета и в академии художеств. Но сейчас, дорогие мои, не это главное. Я взялся за изучение персидского, турецкого и арабского языков и, честно говоря, сделал заметные успехи».

Дома на него махнули рукой.

Быть может, от своего предка, Николая Спафария, унаследовал Лев Мечников жажду странствий и способность к языкам. Через два года он, как знаток восточных языков, был приглашен на службу к дипломату Мансурову. В Панасовке заговорили, что из «бестолкового» выходит толк. Дядя Дмитрий, многозначительно улыбаясь, написал племяннику письмо, в котором пересказал ранее хранившийся от него в тайне разговор с директором гимназии, пророчившим Льву скверное будущее. «Никто не верил, а вот теперь убедились, что прав был я».

В Петербурге юноша согласился на предложение Мансурова, слышавшего о его успешных занятиях восточными языками. Бросив обе академии и университет, он поехал с миссией, направленной для организации сообщений русских черноморских портов с портами Леванта.

Он побывал в Константинополе, Афинах, жил в Палестине...

Вскоре отношения у Мечникова с Мансуровым стали портиться. Свободолюбивый характер юноши пришелся старому служаке не по душе. И от Мечникова при первой же возможности решили избавиться.

Надо сказать, что помимо своих прямых обязанностей, как главы русской торговой миссии, Мансуров хлопотал о приобретении для России места близ храма Гроба Господня. В Иерусалиме он истово молился и требовал от своих подчиненных особого благочестия.

— Вы вчера-с отлучались, Лев Ильич, — как-то заметил Мансуров. — А службу правил его святейшество патриарх иерусалимский. Напрасно манкировали, я бы не советовал впредь.

Мансуров и его клеветы стали преследовать переводчика замечаниями, наставлениями, «отеческими» словами. Однажды вспылив, Мечников дал пощечину секретарю миссии. В результате — дуэль и немедленная отставка.

Он очутился в Бейруте без денег и без знакомств. Письмо дяди лежало в кармане, но он не раскаивался в случившемся, хотя написать домой не смог...

Лев устроился торговым агентом в каботажном пароходстве, перевозившем грузы по левантийскому побережью и Черному морю. Его теперь хорошо знали в Бейрутском порту, арабы-грузчики ласково прозвали его «наш хромой москов» и смеялись над его произношением, когда он пытался говорить на местном наречии. Он был хром с детства, как Герман Вамбери, ученый и мечтатель, исходивший многие тысячи километров по древней земле Азии.

Мечников близко познал разноязыкий мир Леванта. Он стал своим человеком в Искандеруне, городе, торговавшем хной, которой красили в рыжий цвет ногти, бороды и подошвы. Ему приветливо кланялись на улицах Родоса, где над дверьми домов прибывались ржавые щиты и где камни древних дорог еще хранили тяжелый топот коней крестоносцев. У него была масса друзей в Измире, тонкие минареты которого вставали из-за моря навстречу кораблям задолго до того, как показывалась земля... И он много смотрел, слушал, рисовал...

В Галаце Лев Мечников бросил службу и оттуда переехал в Венецию. «Теперь я определенно знаю, что я

создан быть только художником. Никакие силы мира не заставят меня покинуть родину Тициана — этого истинного рая искусства» — так старался он убедить мать и всех родных.

В Венеции Мечников встретил много русских и среди них Ольгу Скарятину, замечательную женщину, увлекавшуюся передовыми идеями, большую почитательницу Герцена. Разойдясь во взглядах с мужем и разочаровавшись в личной жизни, Ольга с шестилетней дочкой покинула Россию и приехала в Италию. Впоследствии она стала женой Льва Мечникова.

Но недолго жил он с новыми друзьями. В ночь на 5 мая 1860 года Джузеппе Гарибальди захватил два парохода в Генуэзском порту, погрузил на них тысячу двести добровольцев и через несколько дней высадился на сицилийском берегу. 30 мая столица Сицилии Палермо открыла ворота героям, одетым в красные рубахи. Знаменитая тысяча Гарибальди начала свое победное шествие на Неаполь.

Сообщения из Сицилии всколыхнули не только Италию, о них заговорила вся Европа. К Гарибальди потянулись сотни волонтеров, и тогда Мечников задумал организовать «славянский легион». Австрийские жандармы в своих владениях тщетно пытались воспрепятствовать вербовке. Тех, кого подозревали в революционной пропаганде, бросали в тюрьму. В августе начальник венецианской полиции подписал ордер на арест русского подданного Льва Мечникова. Но жандармы, явившиеся на квартиру художника, никого не застали. Предупрежденный друзьями, Мечников бежал в Ливорно, а спустя несколько дней из замка Кафель-Пульчи, в пяти милях от Флоренции, под трехцветным знаменем итальянского освобождения, под дробный стук барабанов и крики «Вива Италия!» выступила бригада гарибальдийского полковника Никотера. Одной из рот ее командовал лейтенант Лев Мечников.

«Я нашел, что белоснежные мундиры австрийцев, — писал он из Флоренции, — мало гармонируют с теплым и нежным пейзажем венецианской лагуны. Так же, как черные сутаны попов портят чудесные зеленые поля Лациума. Вот почему я решил одеть красную рубаху гарибальдийского офицера».

Из Флоренции в Ливорно походным маршем шли по древним, еще римлянами мощенным дорогам. Из Ливор-

но до Палермо — пароходами. Несколько дней просидели в трюме без хлеба и воды. Переночевали в Палермо и затем снова в сторону Неаполя. Вестей от Гарибальди пока не было.

На пути корабль Никотера встретил шедший из Неаполя английский пароход. Когда суда сблизились, англичане подняли на мачте итальянский флаг. «Да здравствует Италия! — закричал капитан. — Бурбоны оставили Неаполь и в городе ждут Гарибальди». «Эввива Гарибальди!» — гремело отовсюду.

«Только сейчас я понял, друзья мои, — писал Мечников после этой встречи в Венеции, — что такое свобода и чего она стоит».

В первый же день по прибытии в Неаполь Мечников получил приказание состоять при главном штабе первой линии обороны и выехал на позиции в городок Санта-Мария.

— Вам здесь будет работа, — сказал ему генерал Мильбиц, командующий первой линией обороны. — Нам надо укрепиться, а офицеров, знакомых с этим делом, нет.

— Но я, генерал, совсем не знаток полевой фортификации, — ответил Мечников.

Мильбиц растерянно посмотрел на него сквозь очки.

— Черт побери! А мне говорили, что вы на все руки мастер. Что же делать? Впрочем... ничего особенного в фортификации нет. Надо иметь здравый смысл и немного знаний. Кто вы, собственно говоря?

— Я немного медик, немного математик, немного художник.

— Отлично! Вполне достаточно, чтобы стать и военным инженером!

По дороге в Капую, недалеко от Санта-Марии, стояла полуобвалившаяся арка. В двухстах шагах от арки, вправо, находились развалины римского амфитеатра, а еще дальше и еще правее — железнодорожная станция. Всю линию от арки до станции надо было сделать пригодной для обороны, и Мечников сделал ее с помощью горцев из Аbruццо и патриотически настроенных горожан. А когда фортификационные работы закончились, укрепленная батарея неплохо отвечала на картечь бурбонцев.

Впоследствии, давая оценку сражению при Вольтурно, Гарибальди писал: «С нашей стороны были воз-

двигнуты у Мадалони на Санто-Анджело и особенно у Санта-Марии несколько укреплений, которые нам оченьгодились».

Разными путями приходили к Гарибальди люди в красных рубахах. Тут были и итальянцы всех провинций, от Ломбардии до Сицилии, и испанцы, и французские зуавы, и венгры в узких штанах с золотым шитьем, и офицеры англо-индийской армии, среди которых Мечников заметил бородатого священника с пышной шевелюрой седых волос. Под расстегнутой сутаной его виднелась красная рубашка, а во рту часто дымилась сигара. Вечерами, в часы затишья, священник позволял себе выпить лишний стакан горячего пунша. Табачного цвета лицо его наливалось кровью, и зычный бас заглушал все голоса:

— Дурак будет тот, кто захочет судить об итальянцах по его святейшему папе. Я поп, но я гарибальдеец. — И привычным жестом ухватывая в кулак ворот своей красной рубахи, в заключение гремел: — Я плюю на папу!

Набожные калабрийцы быстро крестились.

Несмотря на большую общительность, здесь каждый старался держаться поближе к своим — слишком разноразной была армия. Трудность объяснений друг с другом служила поводом для бесконечных шуток и взрывов хохота. Но русский здесь был только один — лейтенант Лев Мечников, и, ко всеобщему удивлению, он понимал каждого и каждого переводил.

В сражении при Вальтурно, у той траншеи, которая была сооружена между триумфальной аркой и амфитеатром, Мечникова тяжело ранило. Бурбонцы своих не жалели и вводили в бой все новые и новые части. Войска Мильбица отбили уже три атаки, а в четвертую пошли сами. Мечников вскочил в седло, и в тот момент, когда он дал шпоры лошади и вынул саблю, что-то черное выросло перед глазами, обожгло грудь, и он потерял сознание...

Где-то внизу под ним скрипели колеса. Рядом монотонно, не затихая ни на минуту, стонали, слышались отдаленные выстрелы, и над головой мерно покачивалась темная крыша фургона. Голова страшно кружилась, правая сторона тела отказывалась служить. С большим трудом его перевезли в Неаполь и поместили в госпиталь. У Мечникова были тяжело повреждены ноги и легкие.

Через несколько дней, когда к нему понемногу стали возвращаться силы, в палату впустили гостя необычного вида.

— Где здесь гарибальдийский офицер, которого сожгли бурбонцы? — раздался над ухом зычный голос.

Мечников вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял высокий человек в кавказской бурке и в черной папaxe. Настоящий черкес! И где? В Неаполе!

Пока Мечников соображал, в чем дело, «черкес» быстро заговорил на ломаном французском языке:

— Меня зовут Василием, меня прислал к вам мусье Дума. Он крепко сожалеет, что с вами сделали.

Мечников понял, что речь идет об Александре Дюма, известном писателе, который в свое время побывал в России и, вероятно, вывез оттуда этого «черкеса».

Кто-то рассказал Дюма, что в неаполитанском госпитале лежит раненый офицер, не то поляк, не то венгр, и указал на Мечникова. Автор «Трех мушкетеров» придумал драматическую историю этого раненого, посвятил в нее своего слугу и затем принял горячее участие в его выздоровлении.

— А еще мусье Дума велел сказать, что он будет вам обеды присылать и если вам здесь плохо, то он предлагает вам к нему перебраться во дворец. Там будут вас лечить и ухаживать за вами.

Мечников, преодолевая боль, приподнялся на постели.

— Слушай, приятель, — сказал он по-русски, — передай господину Дюма, что я очень благодарен ему. Никто меня не жег, мне неплохо, и обеды присылать не надо. Я сам приду к нему на обед, как только поправлюсь.

— Так вы русский? — обрадованно спросил Василий, снимая папаху.

Василий в госпиталь приходил каждый день и заботливо ухаживал за Мечниковым. И как только Дюма узнал, что русский офицер уже в состоянии свободно разговаривать, стал приходить к нему сам.

ГЛАВА II

МЕЧНИКОВ — ЖУРНАЛИСТ. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ГЕОГРАФИИ. К БЕРЕГАМ ЯПОНИИ

В редакции неаполитанского журнала «Независимый» часто можно было видеть гарибальдийцев. Обычно они собирались в саду около дома, где в павильончике за рабочим столом сидел хозяин журнала Александр Дюма. Не обращая внимания на разговаривающих вокруг него людей, он сосредоточенно писал, низко склонив над бумагами огромную голову с жесткой черной шевелюрой. Он старался собрать и объединить вокруг себя прогрессивно мыслящих людей Неаполя. Сотрудничал в его журнале и Лев Мечников.

После выздоровления Мечников стал хромать еще больше, но это не мешало ему бродить по Неаполю с неизменным альбомчиком в руках в поисках подходящего материала для «Независимого». Он заходил в самые глухие места, присаживался где-нибудь на камне, наблюдал и рисовал. Под плащом не видно было красной рубахи, а за иностранца его никто не принимал. Он был свой, и на него не обращали внимания.

Чем глуше улица, тем она пестрее и своеобразнее. Если расставить руки, можно кончиками пальцев достать стены двух противоположных домов. Балконы почти закрывали яркую голубую полосу неба между крышами.

И все-таки в Неаполе слишком много солнца, чтобы в этом ущелье было темно, в нем слишком много улыбок, чтобы угнетала его фантастическая нищета, слишком много большой человеческой любви, чтобы ее могли спугнуть толпы монахов в белых, коричневых и черных сутанах. Так Мечников писал о бесстрашных и веселых людях неаполитанских трущоб. Статьи иллюстрировались его же собственными рисунками.

Впрочем, Мечников в своей деятельности не ограничился сотрудничеством в «Независимом». С начала 1862 года он стал издавать свою газету под названием «Бич». В его газете жестоко доставалось и податливым либералам, и королевским чиновникам, а иногда и самому королевскому правительству. В результате... «у меня отобрали редакцию, и для личной безопасности я должен уехать из Италии, где не могу жить не действуя» — так писал Мечников из Женевы 12 июля 1862 года в письме к Н. Г. Чернышевскому.

В это время начинается его постоянное сотрудничество в русских журналах. В «Современнике» Чернышевского и в «Русском слове» Мечников поместил ряд статей об итальянской литературе, а также несколько повестей и рассказов. Он печатался в журналах «Дело», «Русский вестник», «Библиотека для чтения», позднее в «Отечественных записках», в «Русском богатстве», в «Историческом вестнике» и других журналах. Ему, человеку, на которого в III отделении давно завели дело, невозможно было подписываться своим именем. Приходилось прибегать к псевдонимам: Гарибальдиец, Леон Бранди, Эмиль Денерги, Леон Гоганда.

С 1863 года Мечников начал печататься в журнале «Колокол». Герцен поместил его письмо «Точка поворота» о польском восстании. Незадолго перед тем Мечников выступил на митинге во Флоренции, созванном по поводу восстания. Он произнес там речь, которую Герцен назвал «первым словом проснувшейся русской совести».

Когда в Польше вспыхнуло восстание, Бакунин был одним из организаторов снаряжения экспедиции из Средиземного в Балтийское море для поддержки восставших. Однажды ночью, по рекомендации Бакунина, к Мечникову явился поляк — граф Сбышевский и от лица польских эмигрантов попросил Льва Ильича съездить на остров Капреру к Гарибальди и уговорить его командировать опытных боевых моряков для этой экспедиции,

а также устроить склад оружия на Капрере. Однако слишком много людей узнали об этом предприятии раньше времени. В Кадисе испанцы задержали пароход, шедший к Гибралтару под красно-белым флагом, и не выпустили его до конца восстания.

Знакомство Мечникова с Герценом произошло в том же году во Флоренции. Герцен специально приехал в Италию, чтобы через посредство Мечникова наладить пересылку революционных изданий в Россию. В ноябре Мечников предпринял поездку в Ливорно, а в марте 1864 года Бакунин писал Герцену: «Тебе, Герцен, давно известно, что удалось сделать Мечникову: верная и даже безденежная доставка всего из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу».

В 1864 году Мечников с семьей переселился в Женеву, где находилась колония русской эмигрантской молодежи. В конце этого же года состоялось первое заседание женевского съезда русских эмигрантов, названное Герценом «Посполитая беседа». Участниками съезда были А. И. Герцен и его сын Александр, Н. И. Утин, Н. И. Жуковский, Л. И. Мечников, А. А. Серно-Соловьевич, Л. В. Шелгунов, В. О. Ковалевский и другие революционеры. На заседании обсуждался вопрос о возможностях и формах объединения сил «молодой» и «старой» эмиграции, однако по ряду причин объединение не произошло. В этот период окончательно формируются общественные взгляды Мечникова. Он знакомится со многими деятелями Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала — и принимает участие в его работе. Примкнув к бакунинскому крылу, Мечников становится анархистом. В 1866 году в журнале «Колокол» появляются его статьи: «Весть о Прудоне» и «Прудонова новая теория собственности», в которой Мечников называет французского экономиста, одного из основоположников анархизма, своим учителем. Анархистский идеал Прудона оказал на Льва Ильича большое влияние, хотя при этом он резко критиковал философа за его враждебное отношение к польскому восстанию и за его борьбу против эмансипации женщин. В 1868 году в Женеве начал издаваться журнал «Современность», редакторами которого были Л. И. Мечников и Н. Я. Николадзе. В программе журнала ставилась задача пробудить у читателя интерес «к ходу общественных дел». Как и многие другие эмигрантские журналы, «Современность»

вскоре прекратил существование. Мечников продолжал участвовать в деятельности русской революционной эмиграции, являясь заграничным агентом «Земли и воли». С большой страстью ведя борьбу с социал-дарвинизмом и расизмом, Мечников раскрывал их антисоциальную сущность, их стремление доказать вечность капитализма, естественность войн и колониального порабощения.

Через некоторое время Мечников горячо взялся за новое ответственное дело. С официальным удостоверением корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» он поехал в Мадрид, когда в 1869 году там началась революция. Но Мечников ехал в Испанию не только с явным заданием петербургской газеты, но и с тайным поручением своих женевских друзей наладить связь испанских революционеров с русскими.

Еще во время службы в миссии Мансурова и в пароходном агентстве Мечников много путешествовал по странам Африки и Ближнего Востока, а в связи с революционной деятельностью объездил Италию и побывал в Испании. Все это способствовало зарождению у Мечникова интереса к географической науке, которая постепенно становится его основной научной специальностью.

Сначала это были обстоятельные описания путешествий по глухим провинциям Италии. Так, он написал «Письма о тосканской маремме», болотистой низменности, тянущейся вдоль берегов Средиземного моря от устья Арно до границ Лациума. «Мареммы эти для Тосканы отчасти то же, что для нас Сибирь, — писал Мечников, — непочатая страна, богатая всякого рода ресурсами, манящая к себе всякого рода спекулянтов, предоставляя им возможность скоро разжиться, и бедных поселян, предоставляя им столь близкую для них перспективу безбедной жизни».

Он с большой симпатией описывал маремманов, этих поджарых бронзоволицых людей, спокойных и отважных. Чем-то русским повеяло на Мечникова от маленького городка Масса-Мариттима с деревянными, выкрашенными в голубую, зеленую, светло-кирпичную краску домами, с резными ставнями у окон. На городской площади вместо традиционного фонтана с дельфинами — колодец с деревянным срубом, возле домов — садики за досчатыми заборчиками, а массетаны были голубоглазые, русоволосые,

А вот Вольтерра словно подчеркивала мрачными приземистыми воротами с изображением двуликого Януса свое древнее этрусское происхождение. Город жил на древностях и жил древностями. К числу его достопримечательностей можно было отнести невероятное обилие монахов всех орденов и отставных солдат со всевозможными орденами.

Край заброшенный и, казалось, забытый. От Массы Маритимы до Вольтерры, от Вольтерры до Монтекатини и Гроссето шагал Мечников с сучковатым посохом, единственным своим спутником. Он обошел и холмистую вольтерранскую маремму, и болотистую массетанскую, и гроссетанскую, славную тучными пастбищами. Его очерки, живые, остроумные, лиричные, — блестящее сочетание талантливой публицистики и строгой науки. Его описания гарибальдийских походов и революционной Испании были написаны в виде путевых записок. Особый интерес к географии у Льва Ильича Мечникова проявился к концу 60-х годов. В сотрудничестве с Н. А. Шевелевым и Н. П. Огаревым он издает в Женеве работу «Землеописание для народа», в которой приводятся краткие сведения по географии и статистика разных стран.

Прошло еще несколько лет.

«В начале семидесятых годов русскому скитальцу без определенных занятий жить в Европе становилось тяжело. На каждом шагу приходилось убеждаться, что надежды на исполнение заветных своих помыслов следует отложить в долгий ящик; а если некоторые из них и начинали сбываться порою, то с какой-то постороннею примесью, от которой веяло чужим, безотрадным и холодным» — так завуалированно писал Лев Мечников в одной из русских газет в 1883 году.

Гарибальдийские походы, польское восстание, испанская революция — вот великолепный список дел славного десятилетия. Но Гарибальди в почетной ссылке, в Варшаве недавно отгремели последние залпы расстрелов, а тех, кто уцелел, послали умирать в Сибирь.

Но «республиканец, красный, опасный человек...», как охарактеризовал Льва Ильича Мечникова русский посол в Италии *, не мог вернуться в Россию. И мысли невольно обратились от затаянного ненастья Европы к Дальнему Востоку. В начале 1874 года Мечников решил поехать в Японию.

* Архив внешней политики России за 1860 год.

Однако сделать это было трудно по многим причинам. Прежде всего — совершенно не было денег на поездку. «Я с ужасом смотрю на растущую нищету Мечниковых», — писал Герцен в одном из писем того периода. Деньги получались случайно, если в каком-нибудь русском журнале публиковалась очередная статья об Италии, Испании или о французской литературе.

— Вопрос, как попасть в Японию без гроша в кармане, представляется мне более загадочным, чем сама Япония, — шутил Мечников.

Был еще один очень существенный вопрос: надо изучить Японию в том объеме, в котором это представлялось возможным в Европе, и, главное, освоить ее язык.

На европейских языках литература о Японии была крайне скудна. В отношении языка дело обстояло еще хуже. Только в Парижском университете существовала кафедра японского языка. Мечников поехал в Париж. Профессор Леон де Рони, читавший этот курс, внимательно разглядывал невысокого, похожего на провинциального учителя, человека в поношенном костюме, с всклокоченной бородой, с большими залысинами на лбу и утомленными глазами. Профессор не без иронии разъяснил Мечникову возможность изучения экзотического языка:

— Прослушав четырехлетний курс, вы едва будете изъясняться по-японски с грехом пополам и разбирать японские книги с грехом на три четверти.

Но узнав, что русский журналист, так отрекомендовал себя Мечников, владеет десятью европейскими языками и тремя азиатскими, профессор де Рони любезно предложил ему рекомендательное письмо к одному японскому князю, который путешествовал по Европе с целью изучения европейской культуры и французского языка.

— Возможно, вы ему понравитесь и он возьмет вас в учителя, и сам в свою очередь обучит вас разговорной японской речи.

Когда Мечников явился в женевский отель, указанный ему де Рони, оказалось, что японский князь уехал в Ниццу, но в его номере живет другой японец. Этот вовсе не понимал по-французски, но Мечников сумел добиться от него согласия на взаимное франко-японское обучение.

Успехи Мечникова были таковы, что уже через не-

Сколько месяцев он смог довольно свободно объясняться с членами японского посольства, прибывшего в Европу. В свою очередь японцам так понравился толковый европеец, что глава посольства официально предложил Мечникову поехать в Японию и организовать в столице общеобразовательную школу для самураев Сацумского княжества. Дело, таким образом, устроилось как нельзя лучше, и спустя два месяца Мечников на французском пароходе «Волга» подплывал к берегам Японии.

Страна, долгие годы жившая изолированной от остального мира жизнью, теперь широко открыла свои двери для иностранцев. На французской «Волге» вместе с Мечниковым плыл голландский коммерсант, прежде бывавший в Японии и наживший мелкими спекуляциями большое состояние, французский вахмистр, приглашенный в японскую армию инструктором, и много подобного рода «дельцов». Плыли и несколько иных японцев, учившихся в европейских университетах и мечтавших насадить цивилизацию в родной стране.

В хорошую погоду от Марселя до Йокогамы плыть сорок пять дней. «Но нам решительно не везло, — вспоминал Мечников. — Несмотря на благоприятное время, непогоды задержали нас в Средиземном море и в Индийском океане между Аденом и Цейлоном, а при выходе из пролива Формозы к японским берегам пришлось нам выдержать четырехдневную бурю» *.

Непомерно широкий, неуклюжий корабль легко взлетал на огромные свинцовые волны и скатывался оттуда «на дно черного, как ночь, котла, наполненного густыми грязно-белесоватыми парами». Вокруг нельзя было ничего различить — одна мутная мгла, дышащая пронизывающим холодом. «Негостеприимны Японские берега и своим вечным волнением и полумраком». «Простая случайная особенность природы, — отмечал Мечников, — зачастую оказывала чисто местное, неожиданное, но тем не менее весьма решительное влияние на судьбы обитателей данной страны. Японцы, например, обязаны своей национальной особенностью и целостностью морскому течению Куро-Сиво и подводным камням, делающим доступы к берегам Японских островов весьма опасными».

* Цитаты, относящиеся к Японии, взяты из двух работ Л. И. Мечникова: «Мейдзи. Эра просвещения Японии» и «Воспоминания о двухлетней службе в Японии».

«Волгу» сильно потрепало, и, боясь, что не выдержат старые машины, капитан приказал заменить руль спущенными на воду пустыми бочками «из-под анилиновой микстуры, задумавшей прогуляться в Японию под псевдонимом красного вина». «Давно замечено, — указывал Мечников, — что в странах, обращающихся на путь европейской цивилизации, в первое время всегда бывает сильный спрос на скорострельное оружие и спиртные напитки».

На пятидесятый день наконец французский корабль подошел к Иокогамской бухте, окутанной дымящимися розовыми утренними облаками. С восходом солнца краски стали ярче. Окаймлявшие бухту красивые холмы, на которых живописными группами разместились не то кедры, не то зонтикообразные сосны с искривленными стволами и ветвями, создавали экзотический вид, возбуждавший воображение иностранных пассажиров новизной и загадочностью.

Медленно прохаживаясь по палубе, Мечников всматривался в берег. Сердце тоскливо ныло перед неизвестностью.

ГЛАВА III ЯПОНИЯ

Перебирая струны радуги, бог и богиня Идзанами и Идзанаги сходили к нижнему ее концу и повисали над бродившим хаосом. Опустив конец своего копья в хаос, бог затем поднимал его, и падавшие вниз капли затвердевали, создавая острова Земли — острова Японии.

«За китайским государством на восток, в Океан-море, от Китайских рубежей верст в семьсот лежит остров zelo велик, именов Иапония» — так в 1675 году записал московский посол в Китае Николай Спафарий, далекий предок Мечникова.

Географическое положение Японии в те времена уже не было секретом для многих цивилизованных государств, однако тогда почти ничего не знали о внутренней жизни страны и о самих японцах, изолировавших себя от внешнего мира. А между тем к концу XVI века в Японии закончилось окончательное объединение раздробленных феодальных княжеств и утверждение единой власти Иэясу Токугава, провозглашенного сегуном (военным правителем). Причисленный посмертно к лику святых, Иэясу был не первым объединителем Японии. Разбив в 1600 году феодалов, он упрочил свою единую власть, базирующуюся на военной силе.

Двести пятьдесят лет правили наследники Иэясу Токугава и «сделали все возможное, чтобы этот период

стал самым мрачным периодом» в истории Японии. Император, как наместник божества, пользовался лишь внешними почестями, не имея никакой самостоятельной власти. Реальная власть принадлежала сегунату — военному совету, правительству сегунов.

Связь Японии с внешним миром (кроме Китая и Голландии) была полностью прекращена. «Длительная изоляция привела к консервации в Японии наиболее реакционных феодальных черт и к отставанию страны от мирового уровня науки и техники» *. В XVIII веке начался упадок токугавской Японии. Страну все больше и больше потрясали волнения.

К середине XIX века стало ясно, что оставаться в таком положении Япония не могла. Наступил период ломки существующего режима. В 50-х годах были заключены торговые договоры с США и наиболее развитыми европейскими странами. Волнения в стране, направленные против диктатуры дома Токугава, достигли наибольшего накала. В 1867 — 1868 годах произошла так называемая «революция Мэйдзи», незавершенная буржуазная революция, в результате которой сегунат потерял свою власть. И хотя движущей силой революции были крестьянство и городская беднота, «результатами падения сегуната целиком и полностью воспользовалась буржуазно-дворянская верхушка» **.

Годы, последовавшие непосредственно за этими событиями, совпали с периодом пребывания в Японии Льва Мечникова.

Жизнь Японии того времени была полна контрастов: уходящее феодальное прошлое и становление нового буржуазного общества, древняя самобытная культура и европейская техника — все это, причудливо переплетаясь, создавало неповторимую картину эпохи Мэйдзи.

Любезный сановник, с которым Лев Ильич встречался в Европе, объявил, что сацумское предприятие разстроилось и поэтому Мечников передан в распоряжение министерства народного просвещения. Сановник был очень вежлив и столь же холоден.

Так Мечников стал преподавателем русского отделения токийской школы иностранных языков. До Льва Ильича русский язык преподавало несколько профессо-

* Советская историческая энциклопедия, т. 16, с. 913.

** Там же, с. 916.

ров, но все они оказались не на высоте положения. Последний из них, щеголеватый молодой человек из Варшавы, долгое время учил своих учеников... польскому языку.

На русском отделении учащихся всегда было много, язык изучало сто пятьдесят человек, начиная с десятилетних мальчиков и кончая пожилыми мужчинами. Мечников объяснял это тем, что многие японские руководители испытывали глубокое почтение к «Петер-Берики» — Петру Великому, считая преобразователя России недостижимым образцом для подражания. Биография Петра была одной из первых русских книг, переведенных в Японии.

Занятия Мечникова со студентами не были сухими, академичными. Он был не только преподавателем русского языка. Мечников красочно и увлекательно рассказывал об истории России, о русской литературе и культуре, о преобразовательной деятельности Петра I, его жизни и его эпохе. Мечников подробно останавливался на мудрых и крайне необходимых для отсталого государства нововведениях Петра. Его лекции отличались глубоким историческим анализом петровских времен, в них проявлялись большая эрудиция и педагогический талант самого преподавателя.

В свободное от работы время Мечников изучал Японию: ее природу, быт, историю, литературу и экономику. Свои наблюдения он тщательно записывал, а если обстоятельства позволяли зарисовывать, то тут же брал альбом и делал наброски или подолгу просиживал над рисунком. Он собрал значительное количество материалов о стране и впоследствии опубликовал работу под названием «Японская империя».

Япония, глазами русского ученого, предстала перед европейским читателем во всем своем своеобразии, во всей сложности. Мечников рассказывал о нравах и обычаях японского народа, не всегда простых, порой очень странных и очень непривычных для европейцев.

Так, по словам Мечникова, рукопожатие у японцев считалось варварским обычаем, присущим только европейцам, в то же время харакири — казнь, точнее, самоказнь, соответствует, по мнению японцев, обычаям европейского рыцарства — дуэли.

Однажды Мечникову на железнодорожной станции Канагава, рядом с поездом, довелось увидеть всадника в

традиционной самурайской одежде с длинной саблей на широкой перевязи. «Он стоял сильно согнув ноги, на коротких стременах, имевших вид громадных раковин из черного, ярко лакированного дерева с золотыми разводами и узорами. Всадник, нагнувшись над лукою, дергал обеими руками длиннейшие поводья, сплетенные из толстых жгутов алого цвета. Жеребец его, изогнув назад широчайшую шею... танцевал, вздымая густыми облаками пыль, в которой мелькали яркие кисти, украшавшие седло и узду... Посмотрев на наш поезд угрюмым диким взглядом своих узких черных глаз, он поднял лошадь на дыбы, круто повернул ее на задних ногах и быстро ускакал, возбуждая любопытство японской толпы не менее, чем мое собственное».

В тесных, заполненных чрезвычайно разнообразной публикой вагонах Мечников ездил по вновь открытой железной дороге из Иокогамы в соперничающий с ней порт Осака и далее в бывшую столицу страны — Киото, живописно раскинувшуюся в холмистых предгорьях. Осматривая древнейшие, сохранившиеся с VIII века пагоды, украшенные сложными орнаментами, Мечников поражался таланту японских зодчих. Он побывал также на серебряных рудниках, ездил смотреть медные копи и мраморные карьеры в Асио, посетил Ниигату — «порт, лежащий вне большой торговой и почтовой кругосветной дороги».

Прибрежная токийская низменность удивляла его обилием рисовых полей. Она одна «производила ежегодно почти столько же риса, сколько вся остальная Япония, вместе взятая». Вдоль рисовых полей были рассажены чайные кусты.

В Иокогамском порту рядом с огромными океанскими пароходами качались на водах традиционные японские суда с маленькими мачтами, гигантскими рулями и красивыми деревянными решетками по середине изогнутых боков. Мечников любовался их архаическим видом, который несколько напоминал галеры Древнего Рима и Греции, однако созданы они были по образцу китайских джонок, впрочем, значительно измененных. По преданию, родоначальник последней династии наследственных диктаторов Иэясу Токугава, заботившийся об изоляции Японии от внешнего мира, приказал своим подданным строить только такие суда, на которых можно было добраться лишь до ближайшего острова.

Куда ни посмотришь, всюду горы, море и вулканы, Япония — классическая страна землетрясений, ставших привычными. Еще давние верования убеждали в том, что «трясутся земли японские от взмахов хвоста страшного чудовища, а может, гигантской рыбы, живущей под островами». Землетрясениям сродни были по злости и тайфуны, и наводнения, которые чуть ли не каждый год разоряли тысячи японских семей.

Снежная голова знаменитой Фудзиямы, поразившей Мечникова своими строго геометрическими линиями, казалась неизменно близкой, манившей его, но идущей вместе с ним все дальше вверх. Все было здесь для него необычным: бамбуковый лес, аралии, криптомерии и, конечно, камелии — настоящие деревья, цветущие белыми, розовыми и багровыми цветами.

Русский ученый полюбил простых людей Японии и сблизился с ними. Он нередко в обществе японцев и в японской одежде путешествовал по стране, жил в их семьях.

Бродя где-нибудь по дорогам за городом, Мечников заходил в одну из многочисленных харчевен, часто встречающихся по пути, и в обществе нинзоки, то есть здешних бедняков, отдыхал и съедал за умеренную цену свою порцию обеда. Усаживаясь на циновках, ему никак не удавалось подобрать под себя большие ноги, и русскому учителю сочувственно делали скидку. Вообще японцы, отмечал Мечников, очень чувствительны к чужим страданиям и очень миролюбивы. «Я в течение своего двухлетнего пребывания в самых людных и плебейских кварталах столицы, — записал Мечников, — ни разу не встречал двух японцев, ссорящихся между собой. В японском языке даже не существует ругательских выражений».

Японцы еще в XVI веке поражали католических миссионеров своим «легкомысленным» отношением к религии. И Мечников полагал, что едва ли существует страна, менее пригодная для европейских миссионеров, чем Япония. «Синтоизм — единственная японская религия, замечательна своей неоформленностью. Она не знала ни храмов, ни идолов, ни законченной обрядности. Не было ни священных книг, не было даже различия между богами и земными начальниками, так как и те и другие безразлично назывались ками, а умерший вождь неизбежно возводился в божеское достоинство».

Буддизм, пришедший в Японию через Китай, претерпел здесь изменения. Если в Китае религия основывалась на своеобразной этике, то в Японии она привлекала к себе эстетической стороной: поэтичностью легенд, красотой пагод, множеством праздников с музыкой, танцами.

Мечников с уважением отмечал большую тягу к знаниям у простых людей Японии. И рикши, весь день в поту и пыли бегавшие по улицам Иокогамы и Токио, и служители гостиниц, и продавщицы из чайных лавок, — все они в любую свободную минуту доставали засаленные томики откуда-нибудь из рукавов халата или из складок бумажного полотенца, обернутого вокруг бедер, и принимались читать, вернее сказать — искать ответы на множество своих сомнений.

«В Японии, — писал Мечников, — поражало меня не столько поголовное умение читать и писать, сколько известное задушевное отношение к просвещению, к культурности, даже тех людей, которые, казалось бы, естественно должны были видеть в книжках жалких паразитов, заедателей их собственного тяжелого труда». В японских книгах для детей можно было встретить прописную истину, на доказательство которой в иных европейских журналах тратилось очень много усилий вполне зрелыми людьми. Мечников привел одно четверостишие:

Главное дело — истина,
Кто следует по пути истины,
Тот может не молиться —
Боги его охранят.

Японская поэзия проста, мудра и лаконична. Она воспевала небо и землю, рассказывала о незримых богах и духах, возвышала чувства и смягчала сердца людей. «У поэзии есть семя — сердце человека. Она растет среди тысяч листьев — слов. Многообразна в этом мире деятельность человека: когда он выражает свои заветные мысли словами, мы зовем это поэзией. Прислушаемся к пению соловья среди цветов или лягушки в воде — есть ли живое существо, лишённое песни?.. Поэзия существует с тех пор, как земля отделилась от неба *.

Яркость красок одежды, удивлявшая европейца в Бейруте или в Константинополе, блекнет по мере приближения к Стране восходящего солнца. И действительно, Мечников описал бесцветное однообразие окраски и

* Из предисловия к сборнику стихов «Кокинсю», составленному в X веке.

покроя японской одежды: «Верх здешнего щегольства заключался в том, чтобы подобрать целую гамму из оттенков какого-то мутного, не то сероватого, не то рыжеватого цвета, напоминающего паутину». Все японцы, «от мала до велика, без различия пола, возраста и звания, были облачены в однообразные, как мундир, халаты, окрашенные всеми возможными мутными оттенками индигового цвета. На первый раз казалось, будто вся эта многолюдная толпа, мужчины и женщины, была одета в один и тот же больничный халат с классическими, непомерно широкими мешкообразными рукавами, заменяющими карманы».

Говоря о внешнем виде японцев, Мечников отмечал, что «японский тип пестрил в глазах богатством своих разновидностей». Всевозможные оттенки кожи: то темно-коричневый загар местных рыбаков, то вдруг такой яркий, медно-красный цвет, какой редко встречается у «краснокожих» Северной Америки, то неожиданная мертвенная бледность лица или кофейный цвет кожи японок, которые могли сравниться лишь с мулатками Панама и Гаваны, — все это говорило, по мнению Мечникова, о смешении самых разнообразных рас. «Рядом с широким, почти четырехугольным лицом, с отвислыми ушами, приплюснутым носом и громадным ртом приятно поражали глаза изящный, утонченный овал многих, преимущественно женских, головок, напоминающих сухощавых ломбардских красавиц и мадонн Леонардо да Винчи, и тут же дородные крестьянки из лежащих на северо-востоке от Токио сравнительно диких округов представляли роскошь и дебелисть упругих, красивых форм, которым могла бы позавидовать любая римская натурщица».

Мечников не согласен был с теми учеными, которые считали, что в национальном облике японского населения преобладали азиатские черты, принятые называть монгольскими или желтыми. Он однообразен, этот плосколицый, широкоскулый образ, тогда как «по-моему впечатлению, — пришел к выводу Мечников, — японский тип представляет гораздо более вариаций и колебаний, чем тип населения любой европейской страны, и одно это обстоятельство может служить уже достаточным ручательством за то, что нынешняя японская нация сложилась из различных племенных элементов».

«Не сангвиническое увлечение новизной, а сознательное стремление к новой, светлой и привольной жизни

вдохновляло преобразователей этой страны, которые не падали ниц перед внезапно открывшеюся перед ними западной цивилизацией, не отказывались ввиду ее от всяких самобытных и национальных требований, а сознательно хотели усвоить несомненные преимущества этой цивилизации, сделать их своим национальным достоянием», — писал впоследствии Мечников в работе «Мейдзи. Эра просвещения Японии».

Вместе с тем он едко высмеивал подражательность японского правящего класса, наивную жадность молодого хищника, охотно идущего навстречу любым, самым авантюрным предложениям европейских мошенников. Достаточно вчерашнему вору отрекомендоваться министру какого-нибудь феодального князя специалистом по военным делам — и его ссужали деньгами для закупки оружия. Подобный «специалист», конечно, немедленно покидал пределы империи восходящего солнца. Но японцы, считавшие, что это обычные недоразумения на пути цивилизации, продолжали привлекать иностранцев на свою службу. Императорские чиновники, вежливо именовавшие европейцев «господами варварами», тем не менее были твердо убеждены, что «варвар» все умеет. Если европейский механик отказывался от незнакомой ему работы, то объяснялось это не тем, что он не умеет, а тем, что ему мало предложили жалованья.

Два года прожил Мечников в Японии. Покинул ее в 1876 году из-за заболевания хроническим малокровием и туберкулезом.

В Йокогаме на пристани провожали его японские друзья, коллеги по работе и очень много студентов русской школы, созданной в Токио. Неиссякаемый энтузиазм, с каким брался он за любое дело, давал основание предполагать, что Лев Ильич являлся не только одним из деятельных участников в организации русской школы, но и ее руководителем. Для работы в школе Мечников смог привлечь ряд преподавателей из Европы и Америки, среди которых было несколько профессоров, и «эта небольшая группа людей способствовала приобщению целой нации в сорок миллионов человек к европейской цивилизации». Так расценивал впоследствии деятельность этих ученых французский географ Элизе Реклю. За два года Япония стала для русского ученого близкой страной, давшей ему впервые за его жизнь интересную работу. Материально быт его налажился, но из-за бо-

лезни приходилось уезжать... Врачи посоветовали Льву Ильичу как можно скорее вернуться в Европу.

Мечников, однако, выбрал самый длинный, насыщенный новыми впечатлениями и новыми познаниями путь через Гавайские острова и Северную Америку.

В Гонолулу, столице независимого тогда Гавайского королевства, он задержался до прихода следующего парохода. За это время Мечников осмотрел город, сделал несколько зарисовок и съездил на самый большой остров архипелага — Гавайи. Остров, почти целиком занятый склонами четырех вулканов, произвел на русского путешественника неизгладимое впечатление. Его возили смотреть высочайшую точку на Тихом океане — вулкан Мауна-Кеа и к югу от него — Килауэа, всегда кипящий, едва ли не самый деятельный кратер в мире.

Гавайские острова, открытые в 1778 году знаменитым капитаном Куком, наладили торговлю с европейскими странами, с Америкой и Китаем и быстро развились. В Гонолулу работал водопровод, выходило несколько ежедневных газет на гавайском языке, были открыты банки, страховые общества. Хотя обучение в школах независимого королевства в то время велось на гавайском языке, население в основном говорило по-английски.

Много однообразных дней провел Мечников на пароходе, увозившем его через Тихий океан в Америку. Не теряя времени, он работал у себя в каюте над книгой о Японии. Несмотря на плохое самочувствие и мучавший его непрерывный кашель, работа, как никогда, спорилась. За время пути Лев Ильич почти закончил книгу, начатую в Токио, и подобрал к ней рисунки, им самим выполненные.

В Сан-Франциско, почти не отдохнув с дороги, Мечников в тот же день сел на прямой поезд до Нью-Йорка. Линия Сан-Франциско — Нью-Йорк проходила вдоль Калифорнийской долины, пересекала невысокие отроги Сьерры-Невады и холмистое нагорье Большого Бассейна до Скалистых гор. Здесь поезд, натужно пыхтя, медленно полз вверх по таким крутым подъемам, что казалось, он вот-вот сорвется и упадет в тартарары... Однако он упрямо, много часов подряд продвигался, и нервное состояние пассажиров притуплялось, наступало сонное безразличие... Вдруг сон как рукой снимало. Оглушительно грохоча и раскачиваясь, вагоны подталкивали друг друга. Но спуску, как и подъему, приходил конец.

Облегченно вздохнув, поезд останавливался в Тринидаде и простаивал обычно более часа, давая возможность передохнуть измученным пассажирам.

От Тринидада поезд весело бежал по ровной, почти безлесой Великой прерии, так напоминающей близкие сердцу украинские степи... Штат Индиана... штат Огайо... Питтсбург... Филадельфия и, наконец, Нью-Йорк.

Пересечение двух океанов — Тихого и Атлантического, небольшие экскурсии по Северной Америке, где он побывал в нескольких индейских резервациях, обработка материалов по результатам этих экскурсий в нью-йоркской гостинице, остановки в Лондоне и в Париже — на все это ушло более трех месяцев.

В Женеву Лев Ильич вернулся совсем больным и, немного оправившись, начал писать «Воспоминания о двухлетней службе в Японии», которые были изданы на французском языке в Женеве, а в России печатались в «Русских ведомостях» незадолго до смерти автора. Одновременно он принялся за подготовку к печати книги «Японская империя». В поисках издателя Мечников, по совету парижских друзей, поехал в Женеву к знаменитому французскому географу Элизе Реклю, проживавшему в то время в Швейцарии.

ГЛАВА IV

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЧНИКОВА В ЖЕНЕВЕ. РАБОТА В ЛОЗАННСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКИ

Французский географ Элизе Реклю, обладавший громадными знаниями и талантом писателя, задумал описать жизнь земного шара как единого целого и показать взаимосвязь природных явлений в нем. В 1873 году вышел первый том труда «Всеобщая география. Земля и люди», принесшего Реклю мировую славу.

Для работы в издании «Всеобщей географии» Реклю привлекал ученых — географов, зоологов, ботаников, астрономов, этнографов, социологов, экономистов. Это был 19-томный грандиозный труд, заверченный в 1894 году.

По приезду в Женеву Мечников также был приглашен сотрудничать в этом издании. Лев Ильич начал работать над томом, посвященным странам Дальнего Востока. Мечников и Реклю быстро сдружились. Способствовали этому не только общие интересы, но и очень схожий жизненный путь. И тот и другой, обладая беспокойными характерами борцов и революционеров, про-

вели лучшие годы своей жизни в скитаниях, лишениях и в тяжелой борьбе за кусок хлеба. Ни тот, ни другой никогда не умели соизмерять цели и средства, оба были горячими искателями правды.

Вышедший вскоре фундаментальный труд Мечникова «Японская империя» и ряд статей о Японии создали ему имя среди географов и вызвали огромный интерес не только в научных кругах, но и у рядовых читателей. Исследование о Японии представляет собой выдающееся произведение географической литературы, включающее описание природы и ее использование в хозяйственной деятельности населения, географическое обозрение отдельных частей страны, характеристику народа, его быта, культуры. В книге много карт и рисунков, выполненных автором в японском стиле.

Одновременно Мечников продолжал сотрудничать в различных русских и европейских журналах. Его теоретическая деятельность обширна и многообразна. Перу ученого принадлежит более четырехсот работ по проблемам философии, социологии и экономики, этнографии и географии, политики и истории, публицистики и литературной критики. Он беспощадно клеймил тех, кто приспособивался к жизни, тех, для кого логика капитуляции, позиции невмешательства, умение думать по заказу являлись правилами их поведения. В статье «Душевная гигиена», опубликованной в 1873 году в журнале «Дело», Мечников выступил против пассивности и конформизма: «Природа беспощадна в своих приговорах; и если вы свели себя на роль автомата, она мало-помалу отберет у вас все, что было бы ненужной роскошью чисто механического существования».

Живя за границей, Лев Ильич Мечников не переставал интересоваться жизнью своей Родины, всегда оставался пламенным ее патриотом и резко критиковал царское правительство, которое довело страну до экономического кризиса. Патриотизм Мечникова был глубоко интернационален. Осуждая человеконенавистническую политику правящих кругов США, Англии, Португалии, России и других стран, ученый-гуманист выступал в защиту колониальных и полуколониальных народов, призывал их не к уничтожению друг друга, а к братству и сотрудничеству. «Самой великой цивилизованной задачей нашего времени является фактическое объединение рода человеческого, приобщение к культурной жизни сот-

ни миллионов так называемых низших рас», — писал Мечников в журнале «Дело» в 1878 году. Его статьи говорят о нем как о выдающемся мыслителе и страстном защитнике так называемых «цветных народов». «Когда европейские завоеватели, купцы и миссионеры проникали в какую-нибудь отдаленную страну, населенную более или менее первобытными племенами, — писал Лев Ильич в статье «Изнанка цивилизации», — то туземное народонаселение обыкновенно начинало быстро разлагаться физически и нравственно, вырождаться и, наконец, вымирать целыми семействами, родами и общинами...» («Дело», 1877).

Огромное влияние на формирование философских взглядов Льва Ильича Мечникова оказали Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен, революционно-демократические позиции которых он отстаивал и поддерживал в жесточайшей бескомпромиссной борьбе с реакционной идеологией. Освещая важные и сложные проблемы личности, человека, Мечников как мог продолжал их гуманистические традиции. Отмечая его заслуги в революционной и научной деятельности, следует вместе с тем сказать, что его взгляды грешат определенным схематизмом и непоследовательностью.

В 1883 году совет Невшательского кантона предложил Льву Ильичу Мечникову место профессора сравнительной географии и статистики в Лозаннском университете.

Этот университет, утвержденный в 1536 году в качестве академии для подготовки духовных лиц, к концу прошлого столетия стал одним из крупнейших научных и культурных центров Швейцарии. В 1883 году в нем насчитывалось девять факультетов, на которых преподавало около восьмидесяти профессоров. В самом городе была богатейшая кантональная библиотека, замечательный естественноисторический музей, при университете работало множество научных обществ.

В Лозанне Мечников прожил пять лет, читая лекции на двух факультетах. Он работал без устали. Его можно было видеть то в библиотеке, то в музее, то на различных научных диспутах и собраниях или в Географическом обществе, готовившем в это время словари дальневосточных народов — айнов и нивхов. Русский ученый был консультантом по изданию этих словарей. Являясь одним из организаторов и активных деятелей Невшатель-

ского Географического общества, Мечников опубликовывал некоторые свои работы в бюллетенях общества, а в 1886 году оно избрало Льва Мечникова и Элизе Реклю в число своих почетных членов. Но особенно много времени уходило у Мечникова на подготовку к лекциям. «Благодаря своей моральной ценности, огромной научной эрудиции, он скоро завоевал симпатии своих коллег — профессоров и студентов», — вспоминал Элизе Реклю. А вот что писал коллега Мечникова, профессор академии С. Кнапп: «Лекции Мечникова возбуждали большой интерес к изучению географии. Его слушатели с благодарностью вспоминают живые и интересные занятия со своим любимым профессором, чей научный энтузиазм был столь заразительным». Казалось бы, все благополучно устроилось, но болезнь прогрессировала. Зимой 1887 года Лев Ильич вынужден был взять отпуск «для поправления своего здоровья», но использовал его совсем в других целях. Мечников подготавливал к печати самый большой свой труд о роли географических условий в возникновении на Земле первых очагов цивилизации и культуры, для которого собирал материалы более двадцати лет.

Весной 1888 года Лев Ильич Мечников с семьей переехал в местечко Кларан на берегу Женевского озера, где в это время жил Элизе Реклю. С болезнью бороться было все труднее и труднее. Врачи находили состояние его здоровья безнадежным. Редкие периоды короткого улучшения неутомимый ученый использовал для работы над книгой «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ».

Для того чтобы лучше понять причину, побудившую Мечникова взяться за такой большой труд, необходимо в кратких словах осветить новую эру в географии, охватившую конец XIX — начало XX века, когда в общих чертах было завершено описание земного шара.

Разработку теоретической части географии начал немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт, научная деятельность которого охватила первую половину XIX века.

Мир, подчиненный своим законам, в трудах Гумбольдта ожил, засверкал всеми красками природы от вечнозеленых тропических лесов, высоких гор, рек, озер, морей и океанов до вечных снегов полярных стран. Но взгляды его не были восприняты следующим поколением

ученых. В значительной степени это объясняется тем, что география вскоре распалась на быстро развивающиеся частные дисциплины. Многообразие природы требовало объяснения каждого ее явления, отсюда предмет географии оказался как бы «разобранном» более узкими естественноисторическими науками: климатологией, гидрологией, ботаникой, зоологией, этнографией, археологией и др. Все они развивались в тесной связи с географией, включались в нее, но затем стали независимыми и друг от друга, и от своей «прародительницы». Таким образом, расцвет теоретической географии к концу XIX века сменился кризисом: развились и окрепли естественные дисциплины, подменившие ее на общем фоне науки.

Выдающимся достижением в области естественных наук была теория развития органического мира Чарлза Дарвина, позволившая видеть «один всеобъемлющий процесс мировой жизни, составляющий как бы непрерывную гигантскую цепь, звенья которой тесно и неразрывно связаны между собой», — писал Л. И. Мечников в 1884 году в статье в журнале «Дело», посвященной разбору этой теории.

Объяснив процесс постепенного развития органического мира в связи с теорией естественного отбора, Дарвин тем самым выдвинул на первый план идею эволюционизма. В основу его теории легли три положения, объясняющие развитие органических форм: борьба за существование, изменчивость и наследственность. «Чарлз Роберт Дарвин знаменует собой новую эру не только в биологии, — подчеркивал в той же статье Мечников, — но и вообще в истории человеческой мысли». Тщательно разработанная теория английского ученого опиралась на огромное количество неопровержимых фактов, объясняла множество загадочных явлений и указывала новые пути для дальнейшего исследования природы. И действительно, вскоре были предприняты попытки применить теорию Дарвина вне биологии. Ее принципами стали пользоваться в этнографии, антропологии, психологии, а также в географии.

И эволюционный подход к изучению природы все больше убеждал, что ничто в природе не существует обособленно: одно явление обуславливает другое, все взаимосвязано в своем развитии и поэтому должна быть наука, организующая природу в целом, в единстве. Определилось это не сразу, но постепенно стало ясно, что

такой наукой должна стать география, и тогда произошло как бы ее «второе рождение».

У знаменитого географа, большого ученого Элизе Реклю зародилась и созрела мысль раскрыть перед читателем «тысячи взаимных отношений воздуха и воды, все явления планетной жизни». Реклю умел ярко, красочно описывать те страны, где он бывал, и здесь его можно было сравнить только с Гумбольдтом. Значение «Всеобщей географии» было огромно.

Л. И. Мечников, как и Э. Реклю, тоже подходил к изучению природы и народов комплексно, как эволюционист. Многие годы он собирал материалы по истории древневосточной культуры, изучал теории других географов и социологов и только после этого решил создать свою теорию о «взаимодействии между природой и обществом», или «географическую теорию развития современных обществ».

«Проблема, к которой я стремлюсь, — писал Мечников, — может быть сформулирована в следующих словах: какая таинственная сила налагала на некоторые народы то ярмо истории, которое осталось вовсе неизвестным для подавляющего большинства человеческих обществ? Каковы естественные причины неравного распределения благоденствий и тягостей цивилизации? Может быть, наши исследования бросят луч света на эти вопросы, социологическую важность которых излишне доказывать» *.

Рассматривая природу не только саму по себе, но и в зависимости от воздействия на нее человека, который является «общественным существом, производителем материальных благ» («Дело», 1883), Мечников выступил с критикой так называемой робинзонады, говоря, что «робинзоны существуют только в детских книжках» (там же). Ученый справедливо отметил, что имеющиеся многочисленные «теории об обществе не дают нам ответа на вопрос, чем же должна заниматься социология» («Дело», 1880), и пришел к выводу, что до сих пор отсутствует подлинная наука об обществе.

Подчеркивая необходимость создания науки об обществе, Мечников, однако, не создал такой науки. Но среди других представителей антропогеографического направления в социологии Лев Ильич Мечников выгодно отли-

* «Цивилизация и великие исторические реки».

чается тем, что в своей историко-социологической концепции он раскрывал активную роль человека в преобразовании природы. Человек для ученого не столько обитатель Земли, сколько ее преобразователь.

На протяжении длительного времени имя Льва Ильича Мечникова было предано прочному забвению. Если и вспоминали ученого, то лишь для того, чтобы осудить за теорию географического детерминизма.

По укоренившейся традиции географическая школа в социологии изображалась только как буржуазное направление, преследующее реакционные политические цели. Но географическое направление в социологии было неоднородным. С одной стороны, это так называемая геополитика, утверждавшая, что социально-экономические отношения и развитие государства определяются географическими, физическими и тому подобными условиями. Этим самым оправдывались социальное и классовое неравенство и колониализм. С другой стороны, оно несло в себе иное, революционно-демократическое истолкование общественной жизни, в нем нетрудно было найти подход к материалистическому объяснению истории.

Если географическая теория Льва Ильича Мечникова и не нашла заметных последователей, так как прогрессивная общественная мысль, начиная с 80-х годов, переживала очень сложный процесс перехода к марксизму, тем не менее его историко-социологическая концепция о влиянии географической среды на социальную жизнь людей оказывала немалое воздействие на умы и в России, и в передовых западноевропейских странах. Кроме того, она небезынтересна и для современной науки об обществе, о чем справедливо отмечал Плеханов. Возвращения русского социолога-революционера вполне вписываются в поиски правильной революционной теории, когда во второй половине прошлого столетия шла борьба передовых людей России против царского самодержавия, религиозной мистики, субъективного идеализма, догматизма и застоя в науке. История революционно-демократической философии и социологии представляет большой интерес, она поучительна и сейчас. Более того, она разоблачает фальсификаторов русской историко-философской мысли и является действенным оружием в борьбе против реакционной идеологии.

Теория Л. И. Мечникова изложена в книге «Цивилизация и великие исторические реки», которая была дважд-

ды переведена на русский язык М. Д. Гродецким и Н. К. Лебедевым и издана в Петербурге в 1898 году, в Харькове в 1899 году (второе издание перевода Гродецкого) и в Москве в 1924 году. Как ученый, Мечников работал на стыке общественных и естественных наук, поэтому небезынтересно будет кратко осветить теории других исследователей по данным вопросам.

Двум старым предрассудкам о том, что существование первобытных народов было результатом вырождения предшествовавшей высшей ступени культуры и что религия их была искажением первоначальной, некогда всеобщей религиозной истины, положил конец знаменитый английский антрополог Тайлор в своей работе «Примитивные культуры», вышедшей в 1871 году, и поэтому исследователи, говоря об истории происхождения цивилизации, уже не возвращались к этим гипотезам. Некоторые ученые приписывали зарождение культуры и цивилизации заслугам отдельных рас. Белая, или так называемая «арийская», раса считалась от природы наиболее одаренной, и в силу своих природных данных именно она сделалась творцом цивилизации и культуры. Но... «если даже мы и допустим, что белая раса действительно способнее всех других к развитию, — рассуждал Мечников, — то все-таки это не объясняло бы нам различие в исторической судьбе народов. Мы все-таки не знали бы, почему родственные между собой этнические группы, как курды и немцы, англичане и афганцы, одинаково принадлежащие к арийской ветви белой расы, играли в истории такие различные роли».

Мысль о влиянии географической среды на историческую судьбу человечества стара, ее высказывали еще греческие и римские писатели, о ней говорил, например, знаменитый географ древности Страбон. Однако начало географическому направлению в социологии положил французский просветитель XVIII века Монтескье.

Сделав шаг вперед от абстрактного решения этого вопроса к научному изучению развития человеческого общества, Монтескье утверждал, что общественной жизнью управляют не случай и провидение, а естественные законы. В книге «О духе законов» он доказывал, что нравственный облик народов и их обычаи обусловлены географической средой.

Более чем сто пятьдесят лет удерживалась в науке точка зрения Монтескье. Географическими условиями

объясняли особенности физиологии и психики людей немецкий философ Гегель в первой четверти XIX века и английский историк и социолог Бокль во второй половине XIX века.

По мнению Бокля, историей развития народов управляли такие же правильные законы, что и физическим миром. Указывая на его ошибки, Мечников писал: «Бокль думал, что нашел исчерпывающее объяснение причины различий между современной цивилизацией и цивилизацией восточных деспотий в том, что он признавал, что Европа обязана расцветом своей цивилизации климату, тогда как Африка и Азия — плодородию своей почвы».

Немецкий географ Карл Риттер пробовал обойти трудность такого вопроса. Человек, по его мнению, находясь в окружающей среде, полностью сливался с ней. Гармония между природой и человеком, по Риттеру, подобна гармонии между душой и телом. Пытаясь доказать божественный характер происхождения Земли, он географические факты приспособлял к своим выводам, для чего создавал определенные схемы и конструкции.

Говоря о влиянии природы на нацию только в области физиологии и психики, ученые как бы ставили перед собой вопрос: каким образом под воздействием географической среды складывался тот или иной характер данного народа?

Отдельные ученые объясняли происхождение культуры и цивилизации влиянием физико-географической среды. К сожалению, во многих работах совершенно отсутствовало представление о влиянии общества, в котором жил человек, на его характер, привычки и образ жизни, а это влияние, по утверждению Мечникова, было значительно сильнее непосредственного влияния географической среды на характер людей. Больше того, хозяйственную деятельность людей некоторые ученые считали второстепенной и производной от физиологической деятельности, а социальную жизнь зачастую биологизировали, не видя почти никакого различия между биологией и социологией.

К середине XIX века в социологии, по словам Мечникова, имели хождение две теории: «расовая теория», или этнографическая, и «теория эволюции», или географическая.

Однако ни «расовая теория», ни «теория эволюции» не удовлетворяли Мечникова. Кроме того, Мечникова

возмущало необоснованное деление народов на «избранных» и «отверженных».

Согласно Мечникову, «всякая раса не являлась основной причиной, но представляла следствие», она — «дочь земли», иными словами, «всей совокупности физических условий», в каких эта раса жила. Расу, подчеркивал ученый, создавала физико-географическая среда, и эта среда постоянно видоизменяла и трансформировала ее.

Опровергая расовые точки зрения, Мечников приводил свидетельство французского антрополога Топинара, утверждавшего, что «ввиду длительного смешения и скрещивания различных племен и народов нет никакой возможности говорить о чистых расах и что когда вопрос идет о разделении народов на индогерманскую расу, латинскую, славянскую и так далее, то слово «раса» может иметь смысл лишь политического термина и обозначает только случайную совокупность различных антропологических признаков».

Доказывая, что все народы при определенных условиях способны к созданию цивилизации и культуры, Мечников утверждал: «...все великие цивилизации были плодом различных этнических элементов, которые смешивались между собой, причем иногда это смешение бывало так сложно, что нельзя даже приблизительно определить относительное значение отдельных этнических частей. Трудно, например, сказать, какая раса, «черная», «белая» или «желтая», сделала наибольший вклад в цивилизацию Египта?»

Взгляды ученых, защищавших этнографическую теорию, Мечников не только опровергал на основе научного доказательства отсутствия избранных рас, но и разоблачал их реакционную сущность, говоря, что «они мало чем отличаются от взглядов негроторговцев и бывших американских рабовладельцев». Отдавая дань существующему в то время представлению, изложение своей социологической концепции Л. И. Мечников начинает с анализа понятия «прогресс». «Человеческая история, — писал он, — лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения» (с. 39). Несомненно, положительной была сама идея признания закономерного характера развития человеческой истории, которая явилась

основной предпосылкой всех социологических исследований Л. И. Мечникова. Но путь к открытию этих закономерностей оказался не так прост. Как естествоиспытатель, он понимал, что в социологии должен существовать такой же строгий и лишенный субъективизма метод исследования, как и в естествознании, как социолог, он ставил перед собой задачу создания теории прогресса, которая явилась бы ариадниной нитью в запутанном лабиринте исторических фактов.

По какому признаку можно констатировать прогресс в истории? В чем состоит прогресс? На эти вопросы Мечников отвечал так: «Более несомненное доказательство действительного существования Общего Прогресса в Истории доставляет нам непрерывный ряд видоизменений и укреплений социальной связи между людьми и фактического нарастания общечеловеческой солидарности. Это-то свидетельство и заслуживает быть признанным в качестве критерия Общественного Прогресса в Истории».

В области человеческой истории Л. И. Мечников выделяет три стадии развития: 1) низший период — преобладание подневольных союзов, основанных на принуждении и устрашении; 2) переходный период — преобладание подчиненных союзов и группировок, объединенных между собой благодаря разделению труда со все большей специализацией и социальной дифференциацией; 3) высший период — существование свободных союзов и групп, в основе которых лежит свободный договор, когда отдельные личности объединяются в силу общности интересов, личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности.

В историческом развитии народов первый период начинается с восточных деспотий, основанных на принуждении, на рабстве всех и подчинении всех одному лицу, которое является олицетворением божественной силы. Второй период характеризуется преобладанием олигархических и феодальных федераций, социальной дифференциацией, классовой борьбой. Этот период характеризуется также развитием крепостничества и подневольного труда. Третий период, по Л. И. Мечникову, только начинается, и ему принадлежит будущее. В основе его лежат три принципа: Свобода, Равенство и Братство.

Безусловно, это не материалистическое понимание истории. В истории развития человечества решающую

роль не могла играть солидарность народа. Если предположить, что только сознательная деятельность людей двигала прогресс, то из этого следует, что люди сами накладывали на себя ярмо деспотизма в том хронологическом порядке, какой определил для истории Мечников, то есть народ сознательно пребывал в положении рабов, крепостных и наемных рабочих. Мечников, однако, и сам понимал, что «определить долю участия элемента свободы и разума в истории весьма затруднительно, только с громадными затруднениями можно подвести итоги жизненным улучшениям, осуществленным добровольными и сознательными усилиями человека, сознательными притом настолько, что предусматривались бы все возможные последствия совершаемых поступков».

Понимал он также и то, что прогресс был бы очень непрочным явлением, «если бы его единственным фактором, а следовательно, и единственной гарантией его существования явилась бы добрая воля немногих избранников».

Отсюда можно сделать заключение, что тезис Мечникова о солидарности есть не что иное, как противопоставление социал-дарвинизму, который механически переносил законы естественного отбора и борьбы за существование в область общественной жизни.

Сложность вопросов, анализируемых Л. И. Мечниковым, и то стремление к научной обоснованности своих выводов, которое мы видим в его работе, делают честь ему как ученому. Однако все эти стремления без достаточно полного материалистического понимания истории как специфического метода исследования всех социальных явлений были обречены на неудачу. Л. И. Мечников не смог преодолеть ограниченность буржуазной социологии, хотя и чувствовал многие ее недостатки, ни в анализе «прогресса вообще», ни в проведении определенной аналогии между биологическим прогрессом и прогрессом человеческой истории. «Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — писал В. И. Ленин, — значит, начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1,

с. 141). Необходимо было от построения общих теорий перейти к научному анализу фактов, характеризующих общественное развитие. Игнорируя теорию общественно-экономической формации, созданную К. Марксом, Л. И. Мечников пытался создать теорию общественного прогресса, опираясь на естественнонаучные знания, на понимание прогресса в биологии. Метафизичность его попыток заключалась в стремлении, хотя и с определенными оговорками на специфичность, перенести на общество законы биологической революции. Подчеркивание этой специфики общественного прогресса, однако, привело его к субъективно-идеалистическому пониманию истории, когда общественный договор и сознание личности служат основой человеческой истории и общественного устройства.

Многие ученые, в том числе и Г. В. Плеханов *, справедливо находили «периодизацию» Мечникова противоречивой, страдающей переплетением материалистических и идеалистических рассуждений, но в то же время отмечали его самостоятельный, пытливый поиск, стремление дойти до истины.

На вопрос, почему зарождение цивилизации и культуры происходило в определенных частях земного шара, Мечников отвечал, что причина крылась в создавшихся для этого географических условиях Земли, причем ни одно из природных явлений не должно быть сброшено со счетов.

Для этого прежде всего ученый отметил и проанализировал ряд компонентов природных условий, которые оказывали наибольшее влияние на развитие цивилизации и, наоборот, не играли никакой роли или незначительную роль для ее создания. Порой географическая среда оказывала чисто местные воздействия на людей, порой же изменяла судьбы народов, сохраняла национальные особенности их жизни, защищала от внешнего мира, определяла их экономику.

Туманы и морские течения надежно защищали пуританскую Англию от страшной католической ярости Филиппа II. Свободу швейцарских общин обеспечивали Альпы. Пиренеи защищали горных басков и создавали им гораздо лучшие льготные условия, чем могли это сделать королевские хартии. Подводные камни и морское

* Г. В. Плеханов. Соч., т. VII. М. — Л., 1925.

течение Куро-Сиво долгое время сохраняли своеобразный национальный облик и целостность Японии. Бесчисленные острова и заливы Греции способствовали прогрессу мореходства и развитию культуры древних эллинов. Великобритания также превратилась в морскую державу благодаря своему географическому положению. Но, считал ученый, неправильно полагать, что горные цепи служили естественными границами государств, рас и цивилизаций. Этого никак нельзя сказать об Альпах, где население сложилось из трех этнологических элементов: итальянского, французского и немецкого. Сложен этнологический состав Пиренейских и Кавказских гор, Гималайского хребта и др. «Соседство народностей влечет за собой сближение их нравов и интересов», — отмечал Мечников.

Образ жизни древних племен целиком зависел от географических условий мест, где они обитали. Страны, изобилующие лесами, населенными дикими животными, создавали охотничьи наклонности у населения. Пастушеский образ жизни был присущ народам, живущим в степях с богатой травяной растительностью. По берегам рек, морей и океанов жили люди, занимающиеся рыбными промыслами.

Итак, различные исторические судьбы народов были поставлены в зависимость от тех или других свойств географической среды: и возникновение деспотических правлений первых крупных государственных образований, и формирование порой всей экономики или значительных отраслей хозяйств экономической жизни какой-либо страны, и расовые особенности племен и обществ, «отнодь не составляющие неизменных и основных условий развития», — все это должно «рассматриваться только как результат приспособления человека к среде, то есть к разнообразным географическим и социальным условиям».

Наличие нескольких климатических поясов на Земле уже само за себя говорило, что не все ее части имели благоприятные условия для развития органической жизни.

Люди, живущие в экваториальном поясе с богатой флорой и фауной, без всяких координированных усилий получали в изобилии все необходимое для благоприят-

* Г. В. Плеханов. Соч., т. VII. М. — Л., 1925, с. 22.

ного существования, и им незачем было объединяться для преодоления каких бы то ни было препятствий в борьбе за жизнь. Значит, жаркому поясу не пришлось быть местом рождения культуры.

Итак, культура зародилась и развилась в более умеренных широтах, в подтропических странах с изотермой в среднем $+22^{\circ}$, в Египте, в Месопотамии, Иране, Индии и в Китае с еще более умеренным климатом в северных его областях $+15^{\circ}$.

«Какая же таинственная причина проявилась в тех областях, где зародилась первичная цивилизация, которая смогла создать те могущественные деспотии, соединившие в гигантские нации дикие, разрозненные племена, принадлежащие к самым разнообразным расам?..»

Нельзя видеть основную причину в климатических условиях, доказывал Мечников, нельзя ее видеть и в плодородии почвы, как думал Бокль относительно восточных деспотий. «Конечно, — не отрицал Мечников, — плодородие почвы в образовании древних речных цивилизаций играло большую роль, это одно из самых необходимых условий, однако оно не являлось единственным фактором в создании восточных культур». Синтезом всех физико-географических условий Мечников считал реки, а также строение рельефа и геологический состав почвы, количество осадков и другие факторы, поэтому возникновение первоначальных цивилизаций на берегах больших исторических рек не могло быть случайным явлением. «Во всех странах жизненным синтезом всей совокупности сложных условий климата, почвы, конфигурации Земли, геологического строения представляется мне река» — так выразил свою мысль ученый.

В главе о зарождении культуры на берегах великих рек в Египте, Халдее, Индии и Китае он писал:

«Четыре древнейшие великие культуры все расцвели в среде великих речных стран. Хуанхэ и Янцзы орошают местность, где зародилась и выросла первобытная китайская культура; индийская или ведийская культура не выходила за пределы бассейнов Инда и Ганга; ассирио-вавилонские первобытные культурные общества разрослись по Тигру и Евфрату — этим двум жизненным артериям Месопотамской долины; наконец Древний Египет, как это утверждал уже Геродот, был «даром», созданием Нила».

Все эти реки, считает Мечников, «обладают одной за-

мечательной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли: все они обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс, хотя бы состоящих из самых разнообразных и разнородных этнических элементов. Каналы Янцзы и плотины Хуанхэ являлись, вероятно, результатами мудро объединенной коллективной работы многих поколений, вероятно, гораздо более многочисленных, чем те поколения, какие строили египетские храмы и пирамиды.

Под страхом неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, она вынуждала каждого на такие работы, общепользность которых обнаруживалась лишь со временем и план которых чаще всего бывал непонятен рядовому человеку. Вот истинная причина боязливости, благоговейного обожания Реки, этого бога, который питает и повелевает, убивает и дает жизнь».

Выходит, что ценность и полезность рек зависели не только от их природных данных, но и от самого человека, от того, как он, объединившись, умел использовать реки для сохранения своей жизни.

Однако существуют и другие реки, и притом такие крупные, как Лена, Енисей, Обь, Амур, и реки Америки: Миссисипи, Миссури и Амазонка. Почему же там не были отмечены вошедшие в историю очаги цивилизации? На этот вопрос ученый дает следующие ответы:

«Великая сибирская река — Амур, впадая в Тихий океан, лишена многих неудобств больших северных сибирских рек, но тем не менее Амур не сделался очагом цивилизации, хотя в некоторых местах его течения плодородие почвы почти баснословно и его вековые леса с приречной долиной могли бы стать раем для охотников, рыболовов и даже для земледельцев. Енисей в верхнем своем течении представляет нам любопытный образец географической среды, в некоторых отношениях, быть может, слишком благоприятствующий человеку и вследствие этого непригодный для развития и прогресса цивилизации.

Дело в том, что слишком благоприятные и удобные

условия позволяют обитателям данной географической среды задерживаться на низших ступенях и оставаться целые века в состоянии бродячих земледельцев, довольствующихся только новой, неистощенной землей. Вознаграждая слишком щедро отдельных, живущих изолированной жизнью, людей, такие неблагоприятные условия не имеют в себе стимула к координированию отдельных условий в нечто сложное, общественное, не заставляют человека переходить к высшим формам солидарности, составляющим необходимое условие исторического развития».

Действительно, самая большая река в мире Амазонка протекала когда-то почти по необитаемым областям. Река играла второстепенное значение для народов, едва вышедших из стадии первобытного состояния. Не имела никакого значения для бродячих индейцев, живущих охотой, и Миссисипи.

Кроме благоприятных природных условий, надолго задерживающих человеческое развитие, были и неблагоприятные условия, как, например, в среднем и нижнем течении рек Енисея, Оби и Лены, находившихся большую половину года во льдах. Приспосабливая среду к своим методам и способам в борьбе за жизнь, человек учился освобождаться от абсолютной власти среды: от холода, снега, льда — и обеспечивать себя теплом, пищей; он увеличивал до бесконечности точки соприкосновения с природой, использовал природные условия, иногда даже бывшие ему бесполезными или вредными. Эти на первый взгляд противоречивые требования на деле ставили перед человеком альтернативу: погибнуть или остаться жить.

Углубляя мысль Мечникова, следует подчеркнуть, что даже на ранних ступенях развития общества преимущественное значение имело не непосредственное влияние географической среды на природу человека, а опосредованное влияние, то есть влияние через труд и общения. От того, как люди использовали окружающую их природу, как вовлекали в производство природные материалы, а также от того, как складывались их производственные отношения и каковы были их производительные силы, зависело основное условие дальнейшего развития цивилизаций. Всякое общество имеет присущую ему внутреннюю логику развития, и оно в свою очередь оказывает воздействие на окружающую среду.

Но вернемся к дальнейшему рассмотрению четырех древнейших культур. В бассейнах названных исторических рек, подчеркивал Мечников, культуры могли быть только первобытными и обязательно изолированными.

Границы жизни азиатских первобытных очагов цивилизации на севере Мечников определил громадной цепью высоких гор и возвышенных плоскогорий, проходивших от архипелага Эгейского моря до Маньчжурии и Японского моря. Эта так называемая «диафрагма Старого Света» создавала естественную границу, общая линия которой определялась между 40° и 20° северной широты.

«Особое расположение гор, лежащих между Индостаном и Ираном, — говорил Мечников, — разделяет на две совершенно различные и определенные части не только зону речных культур, но и вообще запад и восток».

«Интересно отметить, — писал Мечников, — что в конфигурации почвы этих двух частей света много общего, и, несмотря на это, каждая из них имела свои характерные особенности, отличные друг от друга, и их вполне можно было бы сравнить с островной территорией, играющей свою специфическую роль».

Как уже говорилось, зарождение четырех очагов культуры произошло на территориях Азии и Африки со средней годовой изотермой во всем ее объеме $+20^{\circ}$, $+22^{\circ}$, однако ученый выделил из них две группы ранних деспотий по климатическим свойствам: ассиро-вавилонскую и китайскую, с одной стороны, египетскую и индийскую — с другой.

Две великие культуры — ассиро-вавилонская и китайская — имели умеренный климат со средней годовой температурой $+20^{\circ}$, $+22^{\circ}$, а в северной части Китая изотерма достигала $+15^{\circ}$. Египетская и индийская культуры имели более жаркий климат, со средней годовой температурой $+26^{\circ}$.

Для более жарких очагов культуры, как указывал Мечников, характерна резко выраженная черта изолированности. Индия представляла собой треугольник, отделенный от остальной Азии высочайшим Гималайским хребтом и горами Тибета, разрезанными труднопроходимыми ущельями и верхними течениями рек Янцзы, Меконга, Салуина... Воды Индийского океана, омывающие полуостров Индостан, создавали еще больший барьер в общении с внешним миром. Бенгальский залив из-за

циклонов, изменчивости течений и многочисленных мелководий, особенно в северной части, не способствовал, а наоборот, задерживал развитие мореходства. Любопытно, что Индия и Китай не знали друг друга до I века нашей эры (время появления буддизма в Китае), тогда как западным народам Индия была известна уже в X веке до нашей эры. Несомненно, изолированность Индии и Китая являлась результатом особенностей рельефа, то есть громадной цепи гор, разделяющей восточную территорию на два самостоятельных очага культуры.

Все теми же географическими условиями объяснялась Мечниковым и изолированность Египта. Эта область, по мнению ученого, представляла собой оазис среди обширной песчаной пустыни, но уже к XX веку до нашей эры отмечались первые попытки контакта Египта с семитским миром.

Тогда как недоступные хребты Тибета и Гималайских гор, а также Индийский океан обрекли ведийскую культуру на долгую изоляцию, ассиро-вавилонские племена были связаны с бассейном Нила, Синайским полуостровом и с Европой через Малую Азию и острова Эгейского моря. Этим путем мало-помалу и пришли финикийцы с сирийских берегов в Испанию, вооружили ее мореходным искусством, которое она усовершенствовала и от внутренних морей вышла к океанским просторам.

Зародившись на берегах великих рек и окрепнув, цивилизация в конце концов перестала быть узконациональной. Она развивалась, усложнялась и распространялась. Этому историческому процессу способствовали набеги воинствующих племен, продолжительные войны; свою роль играли караваны купцов, устанавливавшие не только первые торговые, но и культурные отношения между народами.

Так, труднодоступные Сулеймановы горы, ранее обрекавшие полустров Индостан на затворничество, перестали защищать его от нападений с запада и северо-запада. Преодолевая горные высоты Тибета и опасные переходы через его ущелья, большие караваны везли из Древнего Китая шелк и ткани через Бактрию и Малую Азию на запад. Иран в географическом отношении являлся не чем иным, как территорией для прохода между Месопотамией и Бактрией, между Индией и Передней Азией. «Те части Старого Света, — утверждал Мечников, — где протекал речной период всемирной истории, представляли со-

бой нечто целостное и единое, хотя и не совпадали с обычно принятыми географическими делениями Старого Света на три части — Европу, Азию и Африку».

«Приведенные общие соображения достаточны, — писал далее Мечников, — чтобы объяснить отсутствие синхронизма между культурами славных народов древности». В этой связи ученый полагал, что «период назревания культуры мог быть неодинаков для различных стран, а ее последовательная эволюция могла идти более или менее быстро, соответственно физико-географическим условиям данной местности», но об этом будет сказано ниже.

Очаги цивилизаций беспрестанно перемещались. «Подобно тому, как воды всякой великой реки достигали моря, так и каждая речная цивилизация должна погибнуть или раствориться в каком-либо более широком культурном потоке или же развиться в более обширную морскую цивилизацию». Безусловно, первоначальным деспотиям было уже тесно в устьях великих рек. Они расширялись, выходили к морю и продолжали развиваться в новых географических условиях.

Вступив в среду внутренних морей и охватив собой различные народы и страны, цивилизация приобретала более высокое развитие, делаясь способной к дальнейшему распространению, и постепенно переносилась в еще более широкую среду — на берега океанов.

Таким образом, между определившимися тремя культурами — речной, морской и океанской — и служащими для каждой из них географическими условиями существовали, как считал Мечников, внутренние связи. «В разных климатических поясах, под различными широтами, в разных областях суши и морей среда менялась и вместе с ней менялся человек. Но среда изменялась не только в пространстве, она менялась также и во времени». Историю человечества поэтому Мечников делил на три последовательные эпохи.

I. Древние века, речной период. История четырех великих культур древности, существовавших в Египте, Месопотамии, Индии и Китае на землях, орошаемых Нилом, Тигром и Евфратом; Индом и Гангом; Янцзы и Хуанхэ. Этот период характеризовался насильственным объединением людей.

II. Средние века, средиземноморский период. Этот период продолжался двадцать пять веков, с основания

Карфагена до эпохи Карла Великого (XVII век до нашей эры — VIII век нашей эры) и делился следующим образом:

1. «Эпоха Средиземного моря, во время которой главные очаги культуры одновременно или поочередно представлены крупными олигархическими государствами Финикии, Карфагена, Греции и наконец Рима».

2. «Эпоха нескольких внутренних морей, дебютирующая основанием Византии и присоединением Черного моря к общему культурно-историческому движению».

Средиземноморский период — период олигархического правления, «период подчиненности».

III. Новые века, океанский период, «характеризуемый заметным перевесом государств Западной Европы, выходом к Атлантическому океану и открытием Америки Колумбом. Развитие общественных организаций, возникающих на основе общности интересов и сознания пользы коллективного труда людьми».

Таким образом, Мечников делил историю на три последовательных фазиса социальной эволюции, которым соответствовали в его представлении три пространственные географические фазы.

Несомненна заслуга Л. И. Мечникова как географа в раскрытии конкретной роли географической среды в жизни общества. Кстати, сам термин «географическая среда» введен в литературу Л. И. Мечниковым и Э. Реклю. И именно Л. И. Мечникову принадлежит представление об исторической изменчивости географической среды, надолго забытое в научной литературе.

Но в то же время, подробно анализируя географические особенности различных территорий и показывая в целом, что географическая среда влияет на человека через посредство возникающих под ее действием экономических отношений, сам характер экономических отношений и их связь с производительными силами общества раскрываются очень поверхностно.

«Таким образом, — делает вывод Л. И. Мечников, — социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания или безвластия, анархии».

Следовательно, географическая теория общественного прогресса, выдвинутая Л. И. Мечниковым, призвана бы-

ла дать теоретическое обоснование социологии анархизма. По его мнению, анархические союзы имеют преимущества перед начальными группировками: индивиды, входящие в их состав, несравненно совершеннее клеточек, тканей и органов первичных объединений; целью таких обществ являются сохранение и беспредельное развитие человеческого вида, что выше поддержания жизни отдельных особей; только такие союзы, основанные на свободе и взаимном договоре, отвечают требованию сознательного человека, и поэтому только они могут быть признаны желательными.

Показывая несостоятельность анархических по сути идей Мечникова, Г. В. Плеханов писал: «С такой постановкой вопроса мы согласиться не можем. Во-первых, выставленное автором положение опровергается содержанием его собственной книги. Сравните общественный строй, выработавшийся в период «речных цивилизаций», со строем первобытных человеческих обществ, и вы увидите, что «принуждение» и «власть» играют гораздо большую роль в первом, чем во втором» *.

В задачи этой книги не входит подробное критическое изложение социологической теории Л. И. Мечникова и принципиальная критика анархизма. Эта чрезвычайно сложная тема заслуживает специального научного исследования. Следует только добавить, что в рецензии на книгу Мечникова Плеханов обстоятельно разобрал изложенные в ней концепции. Он не оставил без внимания и некоторые противоречия, и небольшие погрешности, отчасти допущенные оттого, что книга осталась незавершенной.

«Для изучения внутренней логики общественных отношений, — писал Плеханов, — много сделано в последние сорок лет, в особенности школой Маркса, и нельзя не пожалеть, что Л. И. Мечников оставил без внимания почти все ее выводы. В конце концов и говоря вообще, его работа приводит к тем же заключениям, к каким пришли марксисты. Но заключения его много выиграли бы в стройности и последовательности, если бы он воспользовался историческими взглядами Маркса и Энгельса для их проверки. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять мнение Л. И. Мечникова о том, что историческое развитие ведет к переустройству общественных отноше-

* Г. В. Плеханов. Соч., т. VII. М. — Л., 1925, с. 22.

ний в смысле свободы и равенства. На чем основывается это мнение? На общем соображении о том, что люди должны научиться со временем организовать свой труд без палки деспота... Это соображение имеет за себя большую вероятность... Но все-таки, как ни вероятно соображение Л. И. Мечникова, оно остается только вероятным. Характер несомненности оно могло бы приобрести только в том случае, если бы он хоть в немногих словах показал, каким образом логика внутренних отношений современных цивилизованных стран ведет к указанной им цели. Школа Маркса сделала это, обратив надлежащее внимание на размеры и свойства современных производительных сил и на противоречие этих сил с современными отношениями производства» *. И несмотря на это. Плеханов считал, что книга Льва Ильича Мечникова является «замечательной работой», а изучив ее, не остается никакого «сомнения в том, что географическая среда влияет на человека главным образом через посредство возникающих под ее действием экономических отношений» **, и настойчиво советовал познакомиться с ней каждому образованному человеку.

Л. И. Мечников был ученым-исследователем. И несмотря на его противоречивые и порой анархические взгляды, еще раз хочется подчеркнуть, что это не помешало ему внести определенный положительный вклад в науку.

* Г. В. Плеханов. Соч., т. VII. М. — Л., 1925, с. 27—28.

** Там же, с. 26.

ЭПИЛОГ

В начале июля 1888 года на небольшом кладбище швейцарской деревушки Кларан хоронили Льва Ильича Мечникова — русского ученого — географа, социолога, философа и революционера. Лев Ильич пользовался при жизни широкой популярностью в кругах научной интеллигенции за границей, но на родине почти не был известен. Смерть его осталась в России незамеченной.

Масса друзей и единомышленников Мечникова, приехавших из Франции, Италии, Германии, провожали в последний путь Льва Ильича. Было прочитано много телеграмм от научных обществ, университетов, славянских заграничных колоний, студентов...

По воспоминаниям современников, это был необыкновенно симпатичный человек по своему характеру. «Сложись несколько иначе его жизнь, то более чем вероятно, что старший брат в семье Мечниковых был бы не менее знаменит, чем младший брат», — писал в предисловии к русскому изданию «Цивилизации» Н. К. Лебедев.

По цензурным условиям первое издание книги «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория прогресса и социального развития» было напечатано в России в 1898 году в неполном виде. Книга сразу обратила на себя внимание ученого мира и была встречена очень сочувственно русской критикой. Известный философ Вл. Соловьев написал по ее поводу статью в журнале «Вопросы философии и психологии», о ней писали в таких крупных журналах, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный Вестник», и в других, а самого ученого один из критиков назвал тогда «образованнейшим географом и крупнейшим философским умом последнего времени».

«Незадолго до смерти, в редкие минуты облегчения, — вспоминал Элизе Реклю, — когда приступы болезни несколько замедлялись, даже в самые последние дни своей жизни, когда уже чувствовалось приближение вечной ночи, Мечников не переставал говорить со мной о своих планах и мечтал написать книгу, которая была бы как бы продолжением настоящей. Эта книга должна была носить название «Цель жизни». Чувствуя приближение смерти, его мысли были всецело заняты великим вопросом о жизни».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ — 5

ГЛАВА I
ГОДЫ УЧЕБЫ И ГОДЫ СКИТАНИЙ — 6

ГЛАВА II
МЕЧНИКОВ — ЖУРНАЛИСТ.
ПЕРВЫЕ ШАГИ В ГЕОГРАФИИ.
К БЕРЕГАМ ЯПОНИИ — 14

ГЛАВА III
ЯПОНИЯ — 22

ГЛАВА IV
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЧНИКОВА В ЖЕНЕВЕ.
РАБОТА В ЛОЗАННСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКИ — 32

ЭПИЛОГ — 55

КАРТАШЕВА КЛАРА СЕРГЕЕВНА

ДОРОГИ ЛЬВА МЕЧНИКОВА

Заведующий редакцией О. Д. Катагощин
Редактор С. Н. Кумкес
Младший редактор Л. И. Васильева
Оформление художника А. А. Соколовского
Художественный редактор А. И. Ольденбургер
Технический редактор И. И. Сошникова
Корректор В. А. Макарова

ИБ № 529

Сдано в набор 1.07.80. Подписано в печать 14.11.80. А 02481. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печатных листов 2,94. Учетно-издательских листов 2,91. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 820. Цена 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МЫСЛЬ

